

М. МУРАВСКИ ЗАРЯДЬЕЛОГИЯ¹

Urban Studies and Practices Vol.2 #4, 2017, 71-77
<https://doi.org/10.17323/usp24201771-77>

Муравски Михал, антрополог (PhD), стипендиат Фонда Леверхульма, доцент Школы славяноведения и востоковедения Университетского колледжа Лондона (Великобритания), научный сотрудник (2017–2018 гг.) Высшей школы урбанистики имени А.А. Высоковского НИУ ВШЭ (Российская Федерация); Gower Street, London WC1E 6BT, UK.

E-mail: m.murawski@ucl.ac.uk

Эта статья написана вместо введения в политическую эстетику парка «Зарядье». Примыкающий к Кремлю статусный проект стоимостью 300 млн долл., спроектированный архитекторами манхэттенского парка Хай-Лайн на руинах грандиозной гостиницы «Россия» брежневской эпохи и открытый Владимиром Путиным под звуки фанфар в сентябре 2017 г. парк «Зарядье» — флагманский проект мэрии Собянина, стирающей неудобное советское наследие и «дикий капитализм» мэрии Лужкова (1991–2010 гг.) из ткани города. Но «Зарядье», получившее прозвище «путинский рай», как пишут критики, также является главным примером того, что преобразование Москвы больше похоже на представление, чем на реальность: косметическая ретушь «поверхности» города (и его центра), а не существенный ремонт ветхой социальной инфраструктуры (и периферии). Какова связь между представлением и сутью, симуляцией и реальностью, суперструктурами и инфраструктурой, государством и искусством внутри «путинского рая» и вокруг него? Как осуществляются, реализуются и раскрываются преемственности и разрывы — экономические, политические, эстетические — между социализмом и постсоциализмом, между эпохами Лужкова и Собянина?

Эта статья написана по итогам годовой полевой работы, проводимой в сотрудничестве со студентами Высшей школы урбанистики имени А.А. Высоковского. Мы изучаем инфраструктуру и суперструктуры Зарядья, представления и реалии через множество призм, среди которых: фундаментальные мифы, логика дара, бриколажи сложных тендерных процессов, патриотические спектакли, контroversии звуковых ландшафтов, конкурирующие претензии на авторство, сталкивающиеся культуры (не)личности. Кроме того, в духе «этнографического концептуализма» мы сознательно внедряем представление и спектакль в качестве метода исследования. В итоге наше исследование напрямую вылилось в содержание «Портала Зарядье»² — выставки, которая проводилась в Государственном музее архитектуры имени А.В. Щусева с 25 июля по 12 августа 2018 г. и кураторами которой стали я и Дарья Кравчук.

Ключевые слова: урбанизм; архитектура; экология; постсоциализм; Москва; постколониализм; политика; Зарядье

Сейчас политико-эстетический Новый порядок постлужковской Москвы переживает расцвет. Несмотря на сомнения скептиков, парк «Зарядье» был открыт на День города в сентябре 2017 г. «Моя улица», проект реконструкции улиц и пешеходных зон, достиг невиданного прежде размаха, центробежно двигаясь в другие округа и даже в спальные районы. Город проводит один громкий конкурс за другим, чтобы определить содержание самой масштабной программы сноса и строительства домов в современной европейской истории.

Как отмечает географ Наталья Зубаревич, в 2016 и 2017 гг. Москва потратила неслыханные средства на благоустройство — более 15% муниципального бюджета. Это в 3 раза больше, чем потрачено во времена Лужкова, и в 16–17 раз больше в реальном выражении, чем тратит сегодня любой другой город или регион России. С точки зрения размаха, усилий и затрат Москва находится, возможно, в самом разгаре важнейшей трансформации центра со времен Сталина и самой бескомпромиссной реконструкции его внутренней и внешней периферии после массового жилищного строительства в эпоху Хрущева.

¹ Перевод выполнен Екатериной Кондратьевой и Артемом Гитлюшкой.

² См.: bit.ly/zbuklet

Политики, инноваторы, архитекторы, дизайнеры и бизнесмены, которые принимали участие в процессах трансформации Москвы, в частности Илья Ценципер, Григорий Ревзин, Сергей Капков, Варвара Мельникова, Сергей Гордеев и Сергей Кузнецов, рассказывают о трансформации Москвы как о проекте «социальной инженерии», используя язык, напоминающий советскую риторику 1920–1930-х годов. Реконструкция столицы — это не только украшение центра города, развитие транспортной системы и заработок для девелоперов, конструкторских бюро (и консультантов-урбанистов), но и внедряемое сверху созидание нового, более «цивилизованного» типа москвичей.

Кроме того, проект трансформации с большим рвением, чем когда-либо, экспортируется за пределы Москвы на всю Россию и постсоветское пространство в целом. В консалтинговом бюро КБ «Стрелка», где сейчас работают более 300 человек, московская модель проецируется на 400 муниципалитетов — от Грозного до Свободного, а «мутации» и «клоны» Парка Горького и «Зарядья» возникают от Краснодара до Баку. В 1990-х и 2000-х годах Манежная площадь и «Охотный ряд» со стеклянными куполами Посохина — Церетели и бронзовым скульптурным безумством были основными архитектурными проектами, транслируемыми за пределы Москвы и «самовоспроизводящимися» в Раменском, Киеве, Минске и Улан-Баторе. Сегодня, как отмечают в разных контекстах эксперты Никита Асадов, Сергей Медведев и Куба Снопек, новой «Манежкой»³ стал парк «Зарядье».

Ученые, изучающие русское пространство, пространственную историю и пространственную политику, часто указывали на очарование централизацией (и, соответственно, перифериями), проходящее сквозь российскую и советскую культуру, общество и искусство (см., например, [Medvedev, 1997]). Кремль и Красная площадь образуют вечный центр Москвы и Русского мира, но разные исторические эпохи имели и свои центры «второго уровня», тесно связанные с ними. У каждой эпохи есть своя «Красная площадь».

Андрей Монастырский писал, что ВДНХ была центром и идеальным символическим выражением возведенного советского космоса (занимая место непостроенного Дворца Советов). Ее упадок во время хаоса 1990-х и нынешнее возрождение в качестве пространства неосталинского символического порядка и централизованности — также симптоматичные явления. Храм Христа Спасителя, даже в большей степени, чем «Манежка», был, очевидно, символическим центром лужковской Москвы, тщеславной попыткой создать единый порядок из разобленного общества 1990-х.

Парк «Зарядье» находится в физическом, символическом и идеологическом центре нового, постлужковского порядка Москвы. Это идеологическая мировая ось (*axis mundi*) города собянинской эпохи, окно в его видение мира, но также и пространство, в котором его противоречия обнажаются и сгущаются в одном месте. Если ВДНХ, по мысли Монастырского, была в советские времена местом, предназначенным для критической, концептуальной художественной работы и рефлексии, как и Храм Христа Спасителя во времена Лужкова, то теперь это место занимает парк «Зарядье». «Зарядье» — «Красная площадь» собянинской Москвы.

Ось мира (*axis mundi*)

В ходе пятого зарядьелогического семинара (семинары были организованы мной и моими студентами из Высшей школы урбанистики в 2017–2018 гг. — М. М.) культуролог Антон Кальгаев утверждал, что историю России после 1991 г. можно разделить на несколько фаз. Каждая фаза определяется специфическим речевым оборотом. 1990-е были периодом «как бы», означавшим «тотальную неуверенность масс по поводу того, что происходит в стране». 2000-е годы были временем «на самом деле», в чем выражалось, возможно, движение к новой стабильности. Сегодняшняя эпоха — самая странная. Мы живем во времена «не только, но и», «когда любое перечисление превращается в дополнение... не только хорошо, но и плохо», и наоборот.

«Зарядье», по мнению Кальгаева, является самым ярким выражением противоречивости и сложности нашего времени. Уже в первом ТЗ для архитектурного конкурса, составленном «Стрелкой» в 2013 г., парк позиционировался как «не только место притяжения, но и зона от-

3 В ходе шестого зарядьелогического семинара эти наблюдения были высказаны Никитой Асадовым, а во время пятого — Сергеем Медведевым. Расшифровки всех зарядьелогических семинаров доступны по ссылке bit.do/Zaryadyology. Комментарии Кубы Снопек были даны в ходе личной беседы в 2018 г.

чуждения», «новый взгляд на старую Москву», даже как «зеленая альтернатива Красной площади». Эта любопытная противоречивость искусно выражена в концепции «дикого урбанизма», которая является ключевым идеологическим принципом проекта-победителя, выполненного модным нью-йоркским бюро Diller Scofidio + Renfro. Как заявил в своем выступлении на открытии парка «Зарядье» Чарльз Ренфро, «дикий урбанизм» (wild urbanism) нацелен на создание «пространств, где природа и город встречаются крайне неожиданным образом». Дикий урбанизм, как постоянно подчеркивают Ренфро и его коллеги, — это «возможность и покинуть город, и в то же время быть ближе к нему». «Дикий урбанистический парк» является «посредником между близким и далеким, созданным руками человека и природным, объединяя разнообразные типы окружающей среды в знакомый, но неизвестный парк».

Многие эксперты отмечают, что соединение природы и города — не радикальное и не слишком инновационное предложение. То, чем поражает парк «Зарядье» и «дикий урбанизм», — беспрестанное превращение разнородности и самоуверенной контринтуитивности в высокую идеологию. Это, конечно, можно интерпретировать как позитивное, плюралистическое явление или, возможно, это просто «обычное» постмодернистское требование «сложности и противоречий» в архитектуре, выдвинутое Робертом Вентури. Но, по мнению Кальгаева, есть и нечто зловещее в таком типе надоедливой фетишизации сложности, возможно, это просто симптом нашего времени и отношения к реальности, когда мы находим себя «в мире *постправды*». Правительство Москвы взяло «на вооружение», полагает Кальгаев, «эту удобную формулу» не только в случае с парком «Зарядье», но и в отношении так называемой программы реновации жилья — «...это как бы не только снос, но и стройка», однако «это не только стройка, но и снос».

Другими словами, под формулой «не только, но и» скрывается факт, кто-то все же контролирует ситуацию. Это создание ложной иллюзии множественности или тотальности, тогда как на самом деле речь идет об одногословье и единовластии. Кальгаев продолжает: «...это смешно и забавно, но все это открыло какой-то портал в ад». В этот момент его прервал архитектор Тимур Башкаев, дизайнер интерьеров Медицентра и Заповедного посольства. Он парировал утверждение Кальгаева каламбуром: «Не только в ад, но и в рай».

Замечание Башкаева схватывает и сложность, и противоречия «Зарядья», равно как и степень его *централизованности*, проявляющуюся сразу на двух уровнях: локально-городском и геополитическом, на самой границе между этими двумя пространствами существования.

Гибрид: Культура Tree

Парк «Зарядье», часто подаваемый в СМИ и официальных заявлениях как «дар» Путина и/или Собянина Москве, разработан модными манхэттенскими архитекторами, хорошо разбирающимися в критической теории и позиционирующими себя «инакомыслящими» и «диссидентами». Их эстетика — глобальная, ультрасовременная, космополитичная, экофутуристичная, что идет вразрез с вертикальным блеском эпохи Лужкова. Это, в терминах Паперного, скорее «Культура Один», чем «Культура Два». Однако такая «Культура Один» позволяет совмещать впечатляющие массивы национальных образов, идеологий и символик. Это «Культура Два», маскирующаяся под «Культуру Один»; не только «Культура Один», но также «Культура Два». Это не «Культура Три» (Culture Three), а гибрид. Это — «Культура Tree» (Culture Tree).

Другими словами, политико-эстетические противоречия и сложности нового московского порядка и вообще Новой России проявились здесь с большей ясностью, чем где-либо еще. «Ландшафтные типы» — тундра, тайга, степь и прибрежные леса — собраны в парке «Зарядье» так же, как народы Советского Союза были собраны на ВДНХ. Парк «Зарядье», как сказал Сергей Медведев на Зарядьелогии #5, — это «разновидность российской внутренней колонизации». Здесь же, в местном пышно спроектированном (но наделенном приземленной эстетикой) фудкорте — «Гастрономическом центре» — представлены национальные кухни всей России и постсоветского пространства. Еще более широкий и дорогой ассортимент постсоветской кулинарии (вкупе с возвышенной эстетикой) представлен в монументальном неофутуристском ресторане «Восход», оформленном в космической тематике — по существу, ожившем художественном произведении (то ли Арсения Жилиева, то ли Алексея Беляева-Гинтовта). Левитирующие горшки с растениями, цветочные вазы в виде космонавтов, из которых торчат красные гвоздики, барельефы демиургических рабочих и колхозниц (как если бы Вера Мухина повстречалась с Микеланджело), люстры в виде солнечной системы. Потолок напоминает бывший

ресторан «Космос» в отеле «Россия», в который добавили органоподобную трубчатую структуру из аэропорта Шереметьево.

После еды посетителям парка предлагается полетать над Москвой в экстравагантном «четырехмерном» симуляторе — по существу, обновленной версии полета над столицей из сталинского фильма «Светлый путь» (1940) Григория Александрова («Алиса в Стране чудес “Культуры Два”»)⁴. Другой 4D-аттракцион под названием «Машина времени» — цифровая панорама истории Зарядья, Красной площади и Кремля (своего рода Бородинская панорама периода последних сроков правления Путина). Дети могут завершить свое зарядьелогическое воспитание в научно-познавательном центре «Заповедное посольство», прослушав там лекции по этноботанике и генетике, а также сходяв на экскурсию по «Флорариуму» — миниатюрной башне Татлина, на которой расположен 141 вид российской флоры.

По завершении всех этих (и многих других) платных аттракционов («Полет над Москвой» стоит 790 руб. за 20 минут) посетители могут полюбоваться прекрасным видом на старую Москву, Кремль и Собор Василия Блаженного, а также на сталинскую высотку на Котельнической набережной с двух главных смотровых площадок (предназначенных также для селфи): холма тундры на вершине Медиацентра и «Парящего моста», выступающего над Москвой-рекой. Вскоре можно будет посетить и концерты Валерия Гергиева в новой филармонии. Сейчас же посетители могут подняться на травяной холм над филармонией — он увенчан гигантской стеклянной «шляпой» и оснащен сложной технологией «аккумуляции климата», задача которой состоит в обеспечении тепла зимой и прохлады летом. Лето теперь — не только лето, но и зима; зима — не только зима, но и лето.

Из-под гигантской «шляпы» все еще можно увидеть остатки строительного городка, пространство-трущобу, где строители парка разместили свои склады и офисы и где рабочие живут по три-четыре человека в контейнерной бытовке. Большинство из них — гастарбайтеры из отдаленных уголков России и бывшего Советского Союза, работающие по ненадежным (precarious) контрактам: они — низший класс, строящий Новую Москву. В своем городке эти рабочие из Узбекистана, Украины, Дагестана и российской глубинки готовят на временном мангале шашлык, похожий на тот, что подается в ресторанах «Зарядья», в которых централизованной силой собрано все разнообразие национальных кухонь. Здесь к рабочим относятся не так плохо, как на других стройплощадках. Один мужчина сказал мне: «Вот там Путин за стеной! Здесь нас не обманывают».

Дар, или авторитарная машина свободы

На пятом зарядьелогическом семинаре географа Ольгу Вендину спросили, может ли вообще демократическая программа развития города реализовываться авторитарными средствами. Она ответила утвердительно: «Здесь создана искусственная среда, которая освобождает. А когда такое пространство свободы возникает рядом с сакральными пространствами власти и закрытости, это означает только одно — десакрализацию власти». Этот механизм функционирует, по мнению Вендиной, «в духе социальной инженерии, когда с помощью организации пространства... можно формировать поведение людей, формировать их представления».

С точки зрения Вендиной, парк «Зарядье» буквально является архитектурным инструментом для проектирования свободы людей. Это более или менее полно характеризует подход КБ «Стрелка» к общественному пространству, сформулированный его главным идеологом Григорием Ревзиным, который на том же семинаре назвал «Стрелку» «генштабом колониальных войск, который в настоящий момент завоевывает Россию», а себя — «Гейббельсом <...> идеологом этого процесса колониального». Это кажущееся напряжение между вертикальными и горизонтальными политическими и архитектурными способами организации подчеркивается еще больше в одновременно ироничном и искреннем высказывании: «Конечно, [программа «Моя улица»] сделана абсолютно авторитарным способом и с неверием в какую-то низовую активность граждан», — признает Ревзин. Но он верит, что «этот западный демократический образ» будет постепенно обживаться.

«Зарядье» в официальных заявлениях и СМИ характеризуется как дар: щедрость государя по отношению к благодарным подданным (или, как в случае печально известного воровства

⁴ По словам Владимира Паперного, произнесенным в личной беседе.

растений в первые дни открытия «Зарядья», *неблагодарным*). Социальные антропологи, начиная с Марселя Мосса, описывают дар как нечто, что сразу же погружает получателя в крайне неравные властные отношения с дарящим; но, с другой стороны, он имеет потенциал для создания далеко идущего единства, которого лишены общества, основанные на коммерческом товарообмене. Сама идея общественного пространства, особенно в контексте такого города, как Москва, наполнена логикой именно этого определения дара.

Легко было забыть о публичности как идеологической составляющей «Зарядья» в первые месяцы работы парка, когда он был окружен высоким забором и туда можно было попасть только после прохождения через рамки металлодетектора, после обыска вооруженными сотрудниками Росгвардии. Потом, довольно неожиданно, забор исчез, и декларируемая «Зарядьем» открытая публичность воплотилась в жизнь. Но парк «Зарядье» — весьма странный вид публичного пространства: структура его собственности и аренды, его политэкономический фундамент крайне размыты и труднораспутываемы. Право аренды и управления различными частями этого пространства постоянно переходит от государства (в виде различных государственных, муниципальных или правительственных органов) к более или менее сомнительным частным операторам, владельцам, подрядчикам и субподрядчикам, и обратно.

Парк «Зарядье» многогранен. Это парк, но и не настоящий парк: сложно возведенная структура с растениями на крышах, огромная подземная автопарковка, не говоря уже о мифическом комплексе таинственных ядерных бункеров. Это дар, но также и товар. Это общественное пространство, но также и личное. Это «дикая» зона-экспромт, свободная, но также контролируемая, охраняемая и срежиссированная территория только для хороших манер и послушных граждан. Это парк для Москвы, но и парк России (даже больше: всего бывшего Советского Союза, Евразии, Америки и космоса). Это пространство ностальгии по былому, интенсификации настоящего и фантомов будущего.

Заключение. Не совсем органическая империя цветущей сложности

Историк культуры Мария Энгстрем ссылается на неоконсервативного философа Александра Секацкого, по мнению которого России нужна новая «национальная идея»: «более соблазнительная, яркая и эстетически притягательная, чем скромное обаяние шопинга». Иными словами, Секацкий предлагает превратить Россию в «органическую империю», основанную, подчеркивает Энгстрем, на современном прочтении понятия Леонтьева о «цветущей сложности».

«Манежка» была местом предыдущей «гнилой» постмодернистской эпохи, когда всем управляло «обаяние шопинга». Энгстрем утверждает, что естественная империя, исповедуемая консервативным авангардом, решительно не является постмодернистской, но воплощением определенного типа постсоветского *метамодернизма*, ностальгирующего по атрибутам высокого модерна: достоверности, централизации, монументальности и героизму.

Разве не «Зарядье» — и вся эпоха «не только, но и» — именно то, чего хотят консервативные авангардисты: органическая империя цветущей сложности? Зеленое и цветущее место для гармоничного (но жестко иерархического) сосуществования людей (и растений) в общем дикурибанском оркестре? Именно такое полуобвинение высказал Сергей Медведев на пятом семинаре по зарядьелогии: парк является дугинским инструментом, который «конструирует постимперскую евразийскую идентичность».

Однако сами консерваторы не согласны. На шестом семинаре основатель «Архнадзора» Рустам Рахматуллин назвал парк «Зарядье» примером архитектурного «ячества», «догоняющего западничества, превращающего город в природу, дезурбанизирующего исторические структуры, вмещающегося в диалог». Эту позицию поддержал другой докладчик, театральный режиссер Эдуард Бояков, который в настоящее время разрабатывает вместе с архитектором Никитой Асадовым (сыном Александра Асадова, московского архитектора, занимавшегося оттачиванием и реализацией дизайнерских решений Диллера, Скофидио и Ренфро) концепцию парка Коктебель, своего рода крымского анти-«Зарядья». По словам Боякова, «Зарядье» — «это действительно западный подход, в плохом смысле этого слова, — подход “яческий”, подход, нарушающий правила города, правила среды».

«Зарядье», таким образом, почти, но *не совсем* «органическая империя цветущей сложности». Сакральный центр собянинской Москвы — этот (как говорит Кальгаев) «не только путинский подарок, но и американский проект», не только город-дар, но и товар, произведение

не только Беляева-Гинтовта, но и Жилыева, — пытается охватить собой противоречий больше, чем может вместить, чем может приемлемо контролировать или радовать. С точки зрения Бояковых и Секацких, «Зарядье» — повторяя слова Маши Энгстрем, произнесенные в личной беседе, — «органическая империя времен Упадка».

Источники

- Зубаревич Н. (2017) Чем Москва Собянина отличается от Москвы Лужкова // Ведомости. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/10/27/739584-moskva-luzhkova-sobyantina> (дата обращения: 20.08.2018).
- Монастырский А. ВДНХ — столица мира. Шизоанализ. Режим доступа: <http://conceptualism.letov.ru/Andrey-Monastyrsky-VDNH.html> (дата обращения: 20.08.2018).
- Паперный В. (1996) Культура Два. М.: Новое литературное обозрение.
- Engström M. (2018) Daughterland: Contemporary Russian Messianism and Conservative Visuality // *Russia: Art Resistance and the Conservative-Authoritarian Zeitgeist* / L. Johnson, A. Erofeev (eds). L.: Routledge.
- Medvedev S. (1997) A General Theory of Russian Space: A Gay Science and a Rigorous Science // *Alternatives: Global, Local, Political*. Vol. 22. No. 4. P. 523–553.
- Venturi R. (1966) *Complexity and Contradiction in Architecture*. N. Y.: Museum of Modern Art.

MICHAŁ MURAWSKI

ZARYADYLOGY

Michał Murawski, PhD in Anthropology, Leverhulme Trust Early Career Fellow, Assistant Professor, School of Slavonic and East European Studies, University College London, UK; Research Fellow, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, HSE (2017–2018), Russian Federation; Gower Street, London WC1E 6BT, UK.

Email: m.murawski@ucl.ac.uk

Abstract

This paper is written in lieu of an introduction to the political-aesthetics of Zaryadye Park, a \$300 million, Kremlin-abutting prestige project, designed by the architects of Manhattan's High Line on the ruins of the gargantuan Brezhnev-era Hotel Rossiya; which opened with fanfare by Vladimir Putin in September 2017. Zaryadye Park is the flagship of the Sobyenin Mayorality's ongoing campaign to erase the troublesome legacies of the Soviet era and the 'wild capitalist' Luzhkov Mayorality (1991–2010) from its urban fabric. But Zaryadye – nicknamed 'Putin's Paradise' – is also a prime exemplar, critics say, of the manner in which Moscow's makeover has more to do with performance than reality: a cosmetic retouching of the city's surface (and center), rather than a substantive repair of its dilapidated social and infrastructural fabric (and peripheries).

The relationship between performance and substance, simulation and reality, superstructure and infrastructure, state and art, in and around 'Putin's Paradise' is discussed. How the continuities and ruptures – economic, political, aesthetic – between socialism and post-socialism, between the Luzhkov and Sobyenin eras, are performed, implemented and revealed there.

This paper was written towards the end of twelve months of fieldwork, carried out in collaboration with students at Moscow's Vysokovsky Graduate School of Urbanism. We explore Zaryadye's infrastructure and superstructure, performances and realities, through numerous prisms, among these: foundation myths, gift logic, bricolages of nested tendering processes, patriotic spectacles, soundscape controversies, competing authorship claims, clashing cults of (non-)personality. Furthermore, in an 'ethnographic conceptualist' vein, we consciously use performance and spectacle as a research method and output – our research fed directly into the substance of "Portal Zaryadye", an exhibition, curated by the author and Daria Kravchuk, held at the Schusev State Museum of Architecture 25th July – 12th August 2018.

Key words: urbanism; architecture; ecology; post-socialism; Moscow; postcolonialism; politics; Zaryadye

References

- Engström M. (2018) Daughterland: Contemporary Russian Messianism and Conservative Visuality. *Russia: Art Resistance and the Conservative-Authoritarian Zeitgeist* / L. Johnson, A. Erofeev. London: Routledge.
- Medvedev S. (1997) A General Theory of Russian Space: A Gay Science and a Rigorous Science. *Alternatives: Global, Local, Political*, vol. 22, no 4, pp. 523–53.
- Monastyrsky A. VDNH – stolica mira. Shizoanaliz. [VDNH is the world capital. Schizoanalysis]. Available at: <http://conceptualism.letov.ru/Andrey-Monastyrsky-VDNH.html> (accessed 20.08.2018).
- Papernyj V. (2016) Kul'tura Dva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Venturi R. (1966) *Complexity and Contradiction in Architecture*. New York: Museum of Modern Art.
- Zubarevich N. (2017) Chem Moskva Sobyenina otlichaetsya ot Moskvyy Luzhkova [What's the difference between Sobyenin's and Luzhkov's Moscows]. *Vedomosti*. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/10/27/739584-moskva-luzhkova-sobyenina> (accessed 20.08.2018).